10 383

Л. Ш.

АНАРХИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА — № 1.

10 — 383

М. А. БАКУНИНЪ

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

И

ПОНЯТІЕ О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Съ письмомъ П. А. Кропоткина

къ издателямъ „Анархической Библіотеки“

Цѣна 25 сантимовъ

ЖЕНЕВА
Новая русская типографія
1892

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1299908

ИЗ КНИГ
СТЕПАНА САВВИЧА
КРИВЦОВА.
12.813 — 23. VIII. 23.

10 — 383

7.496

Дорогіе товарищи,

Я не могу отнестись иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ, къ предполагаемому вами ряду изданій на русскомъ языкѣ, подъ общимъ заглавіемъ „Анархической Библіотеки".

Быть можетъ, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей подумаютъ, при видѣ нашей „Библіотеки" : — „Къ чему, при теперешнемъ дробленіи русской революціонной партіи на столько фракцій, создаваться еще одной фракціи, — анархической ? Не лучше ли направить всѣ свои усилія на борьбу съ самодержавіемъ подъ однимъ общимъ знаменемъ ?" Но, при болѣе внимательномъ обсужденіи, они сами вѣроятно согласятся, что подобнаго вопроса и ставить невозможно.

Разъ въ западной Европѣ существуетъ анархическое теченіе мысли, разъ оно все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ сторонниковъ и проникаетъ, особенно за послѣдніе годы, даже въ тѣ страны гдѣ прежде его вовсе не было замѣтно, — нечего и думать чтобы оно не проникло въ Россію и не нашло себѣ сторонниковъ въ странѣ, которая и по своей исторіи, и по складу ума своихъ мыслителей, представляетъ такъ много элементовъ для развитія именно анархической формы соціализма. Поэтому, одного чего можно желать, это — чтобы ученія анархіи были, какъ можно яснѣе изложены на русскомъ языкѣ, и чтобы русскіе революціонеры пришли къ самымъ опредѣленнымъ

воззрѣніямъ по этому вопросу; чтобы ученія Анархіи выразились въ наиболѣе опредѣленной и конкретной формѣ.

Опытъ западно-европейской жизни учитъ насъ, что группировки и союзы людей разнородныхъ и часто противорѣчивыхъ убѣжденій не приносятъ большой пользы общему дѣлу. Разногласія или даже различныя симпатіи остаются, и только мѣшаютъ другъ-другу, часто парализуя энергію отдѣльныхъ лицъ. Напротивъ того, когда партіи создаются съ совершенно опредѣленными взглядами, изъ людей, которыхъ дѣйствительно можно назвать единомышленниками, — тогда онѣ, впослѣдствіи, гораздо легче соединяются между собою, когда нужно дѣйствовать сообща противъ общаго врага. Каждая партія нападаетъ на него по своему, согласно со своими взглядами, наклонностями и симпатіями.

Дробленія нечего бояться, если только оно вызвано не подчиненіемъ отдѣльнымъ личностямъ, не самолюбивыми происками вожаковъ, а дѣйствительно различными взглядами на ходъ исторіи и на задачи революціи.

Мы убѣждены, поэтому, что образованіе анархической партіи въ Россіи, не только не повредитъ общему революціонному дѣлу, но въ высшей степени желательно и полезно.

Что такое анархія? — на это должны будутъ отвѣтить изданія „Библіотеки“. — Но мнѣ хотѣлось бы теперь-же обратить вниманіе русскихъ товарищей на одно возраженіе анархистамъ, происходящее изъ одного довольно крупнаго недоразумѣнія относительно хода развитія человѣчества вообще.

Конечныя стремленія анархистовъ — двоякаго рода. Съ одной стороны они стремятся къ уничтоженію личной собственности и къ передачѣ всего что необходимо для производства (земли, орудій труда, и всѣхъ богатствъ, накопленныхъ человѣчествомъ) въ руки самаго народа — и въ этомъ ихъ стремленія тождественны со стремленіями другихъ соціалистовъ. Но въ тоже время они стремятся — и въ этомъ они расходятся съ соціалистами государственниками — къ уничтоженію государства. Они убѣждены, что никакого существеннаго прогресса на эко-

номическомъ пути невозможно достигнуть безъ одновременнаго разрушенія государственной организаціи, которая и развилась-то въ исторіи именно ради обоснованія правъ на землю, на орудія труда и на народный трудъ, въ пользу тѣхъ кто нынче составляетъ правящіе и владѣющіе классы.

Въ то время какъ государственные соціалисты стремятся завладѣть нынѣ-существующею властью, сохранить ее въ своихъ рукахъ и усилить ее ; въ то время какъ они стремятся создать, вмѣсто всѣхъ теперешнихъ владѣющихъ классовъ (помѣщиковъ, фабрикантовъ, купцовъ, банкировъ и т. д.) одного собственника, государство, владѣющаго всею землею, всѣми фабриками, всѣми заводами, всѣми накопленными богатствами, и управляемаго выборною палатою, — анархисты держатся того мнѣнія что подобный планъ просто неосуществимъ ; что человѣчество не помирится съ такою громадною властью, если она захватитъ въ свои руки и политическую, и хозяйственную жизнь страны ; что наконецъ само представительное правленіе, родившееся ради простаго ограниченія монархической власти, уже отжило свой вѣкъ, и что новая, соціалистическая жизнь должна будетъ создать свои формы политическаго союза. Новый хозяйственный строй потребуетъ новаго политическаго строя.

Анархисты стремятся, поэтому, не усилить государственную власть, а ослабить ее, раздробить ее, и территоріально, и въ ея отправленіяхъ, и въ концѣ концовъ совершенно уничтожить ее. Вмѣсто государственнаго союза, основаннаго на подчиненіи людей правителямъ, самовольнымъ, наслѣдственнымъ, или выборнымъ, они работаютъ для осуществленія общества, основаннаго на договорѣ производителей и потребителей между собою, — общества въ которомъ государственной власти не оставлено ни одного изъ ея теперешнихъ отправленій, и гдѣ жизнь отдѣльныхъ людей и ихъ союзовъ складывается извѣстнымъ образомъ, не потому что такъ велитъ законъ, или Палата, а въ силу взаимнаго соглашенія, въ силу привычки, создаваемой извѣстнымъ строемъ и въ силу пониманія выгодъ такой свободной жизни.

На чемъ основаны анархическія воззрѣнія, какова ихъ

историческая подкладка, и почему анархисты заключаютъ что уже въ современной жизни существуетъ теченіе ведущее къ такому свободному союзу — всего этого въ нѣсколькихъ словахъ не скажешь. Не даромъ создалась цѣлая литература, разрабатывающая эти вопросы. Но есть одинъ пунктъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе русскаго читателя.

— „ Все это “ — часто приходится намъ слышать — „очень интересно ; Анархія — прекрасный идеалъ, который, можетъ быть, осуществится когда нибудь ; но намъ, людямъ конца девятнадцатаго вѣка, живущимъ подъ царскою плетью, не къ чему объ этомъ разсуждать. Надо бороться противъ самодержавія. Когда мы его поборемъ, мы начнемъ проводить въ жизнь соціализмъ, и тогда придетъ время подумать объ анархической и государственной формѣ соціализма“.

Вотъ тутъ-то и лежитъ, если не ошибаюсь, коренная ошибка, кладущая свой отпечатокъ на все русское движеніе.

Англійскіе революціонеры 1648 года и французскіе 1789 — 1793 вполнѣ понимали что королевская, самодержавная власть держится не нѣсколькими людьми ; что она имѣетъ свои корни въ исторіи и въ цѣлой жизни народа ; что она плодъ крѣпостнаго или полу-крѣпостнаго строя, продолжавшаго существовать (на дѣлѣ, если не по закону) среди крестьянъ Англіи въ XVII вѣкѣ и среди французскихъ крестьянъ въ прошломъ столѣтіи. Поэтому, нападая на королевскую власть, они прежде всего искали опоры въ крестьянскомъ движеніи. Они не мечтали низвергнуть короля одною силою интеллигенціи. Они были въ значительной степени соціалистами, и ихъ писанія, проникнутыя соціалистическими взглядами, будили народъ, звали его къ возстанію. Они стремились, во всякомъ случаѣ, освободить крестьянъ отъ экономическаго гнета помѣщиковъ, и понимали что низвергнуть и ограничить королевскую власть возможно будетъ только тогда, когда по странѣ разольется широкою волною крестьянское возстаніе. Они не относились къ крестьянамъ какъ къ безсловеснымъ животнымъ, неспособнымъ даже бунтоваться, а помогали имъ, всею своею пропагандою и осо-

бенно агитаціею, расширить ихъ обычныя мелкія возстанія, слить ихъ во едино. Они понимали, что нанести ударъ помѣщичьему землевладѣнію и ослабить королевскую власть — двѣ стороны одного и того же дѣла, и что раздѣлять ихъ невозможно. Любопытно что даже и въ нынѣшнемъ столѣтіи, вторая республика 1848 года и конституціонныя уступки, сдѣланныя въ Германіи въ томъ же году, были результатомъ не дворцовыхъ заговоровъ, — а обширнаго соціалистическаго движенія, о размѣрахъ и глубинѣ котораго мы узнаемъ только теперь, когда начинаемъ изучать чрезвычайно обширную литературу того времени.

Идти къ соціализму, или даже къ земельному перевороту, черезъ политическій переворотъ — чистѣйшая утопія, такъ какъ сквозь всю исторію мы видимъ что политическія перемѣны вытекаютъ изъ совершающихся крупныхъ экономическихъ переворотовъ, а не наоборотъ. Вотъ почему освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ лежащаго на нихъ по сію пору гнета крѣпостнаго права становится первою задачею русскаго революціонера. Работая на этомъ пути онъ во-первыхъ работаетъ прямо и непосредственно на пользу народа, и въ прямой пользѣ народа видитъ высшую цѣль своихъ усилій, а во-вторыхъ, онъ подготовляетъ ослабленіе централизованной государственной власти и ея ограниченіе.

Но если это такъ, то революціонеру приходится, прежде всего, выяснить себѣ — Чего же онъ хочетъ? Въ какой формѣ можетъ совершиться экономическій переворотъ, который отнялъ бы землю и сопряженныя съ землевладѣніемъ обширныя права теперешнихъ ея владѣльцевъ? Слѣдуетъ-ли стремиться къ тому чтобы государство взяло въ свои руки всю землю и раздавало бы ее въ аренду крестьянамъ, или нѣтъ? — Этотъ вопросъ предстоитъ рѣшить не черезъ двѣсти лѣтъ, а сейчасъ же. Дѣйствительно, если человѣчество, въ своемъ развитіи, идетъ къ тому чтобы создались государственныя формы землевладѣнія; если такая форма землевладѣнія возможна и желательна; и если, наконецъ, можно предвидѣть что передача земли народу можетъ быть совершена государ-

ствомъ, т. е. палатою представителей или Земскимъ Соборомъ — тогда, понятно, можно стать государственнымъ соціалистомъ, соціаль-демократомъ.

Если же — и мы держимся этого мнѣнія — нѣтъ никакой возможности разсчитывать на то, чтобы Земскій Соборъ или Палата могли отнять землю у помѣщиковъ и пересоздать строй землевладѣнія; если Палаты вообще могутъ только узаконить революціонные факты, уже совершившіеся, а никакъ не могутъ совершить ихъ сами; если нѣтъ основанія думать что русскій народъ совершитъ земельный переворотъ какимъ-то совершенно особеннымъ путемъ, еще неслыханнымъ въ исторіи; и если, напротивъ того, слѣдуетъ думать что и въ Россіи, какъ вездѣ, только крестьянское возстаніе можетъ отнять землю у кулаковъ и помѣщиковъ, и что переворотъ будетъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе личнаго почина, личной дѣятельности проявится въ крестьянахъ и чѣмъ менѣе они будутъ ждать чего либо отъ какихъ-то спасителей; если, наконецъ, новая государственная централизація можетъ только помѣшать силѣ и глубинѣ движенія, — тогда нужно разстаться съ государственнымъ идеаломъ. Нужно стать на точку зрѣнія анархистовъ и дѣйствовать именно въ виду ограниченія, не только царской власти, но и всѣхъ отправленій государства вообще; нужно стремиться къ пробужденію личнаго почина въ рабочихъ и крестьянскихъ массахъ; словомъ, нужно принять анархическую программу.

Мы никому не навязываемъ своей программы, но мы убѣдительно просимъ русскихъ революціонеровъ серьезно обдумать эти вопросы, самостоятельно обдумать и вырѣшить ихъ. Ошибка въ выборѣ между обѣими программами соціализма, государственнаго и безъ-государственнаго, несомнѣнно повліяетъ на успѣхъ всего движенія и можетъ задержать его, или направить его на ошибочный путь, на цѣлые десятки лѣтъ.

Что же касается до ходячаго воззрѣнія, состоящаго въ томъ, анархическій идеалъ — отдаленный, что люди не подготовлены къ нему, и что онъ никогда не осуществится, то и въ подобныхъ утвержденіяхъ опять-таки кро-

ется одно крупное недоразумѣніе на счетъ роли идеаловъ въ исторіи.

Дѣло въ томъ что человѣчество — не единичная личность, и что въ немъ, во всякій моментъ его развитія носится нѣсколько различныхъ идеаловъ — идеалъ крѣпостническій, конституціонный, соціалистическій, анархическій и т. д. Но ни одинъ изъ этихъ идеаловъ не осуществляется во всей своей полнотѣ, потому что гораздо раньше чѣмъ который нибудь изъ нихъ дошелъ до своего осуществленія, уже возникаютъ, или вѣрнѣе усиливаются, новые идеалы, вызванные новыми условіями жизни, и эти новые идеалы видоизмѣняютъ старые.

Всякій прогрессъ человѣчества есть равнодѣйствующая различныхъ теченій мысли, развивающихся въ обществѣ въ данную минуту; такъ что утверждать что сперва осуществится вотъ такой-то идеалъ, а потомъ другой, — просто значитъ ложно истолковывать факты исторіи вообще.

Республиканцы прошлаго вѣка мечтали о всемірной республикѣ, построенной по образцу республикъ древняго міра. Они боролись за нее, гибли въ снѣгахъ Альпъ, на равнинахъ Бельгіи, на поляхъ Италіи и Германіи. — Но, осуществили ли они его? — Конечно нѣтъ! Мало того, когда всемірный союзъ народовъ, во имя котораго они умирали, дѣйствительно осуществится, онъ будетъ несравненно полнѣе, шире, соціалистичнѣе чѣмъ все о чемъ мечтали наши дѣды сто лѣтъ тому назадъ. Онъ пополнится и видоизмѣнится всѣми идеалами развившимися позже, въ теченіи девятнадцатаго вѣка. Работа нашихъ дѣдовъ и отцовъ, конечно, не прошла безслѣдно. Благодаря имъ, эти основныя начала первой французской республики — уничтоженіе крѣпостной зависимости, уничтоженіе самодержавной королевской власти и равенство предъ закономъ — стали лозунгомъ всего развитія Европы въ теченіе нашего вѣка. Но, и ихъ идеалы были гораздо глубже этого, и осуществятся они въ дѣйствительности только черезъ соціализмъ.

Точно также, соціалисты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ стремились къ христіанскому коммунизму, управляемому строгою государственною іерархіею, строго под-

чиненною выборнымъ изъ ученыхъ и старцевъ. Но они не осуществили своего идеала, и ихъ идеалъ никогда уже не осуществится. Если коммунизмъ разовьется изъ будущей революціи, то онъ уже не будетъ ни христіанскимъ, ни государственнымъ: онъ будетъ свободнымъ коммунизмомъ, основаннымъ не на ученіи Христа, а на взаимномъ пониманіи человѣческихъ правъ и обязанностей. Онъ будетъ болѣе анархическимъ, потому что въ то время какъ люди, нашедшіе выраженіе своихъ мыслей въ Луи Бланѣ, стремились создать якобинское соціалистическое государство, новые, болѣе широкіе идеалы возникали подъ перомъ Прудона и Макса Штирнера, которые тогда уже клали начало анархическому теченію мысли.

Тоже относится и до соціаль-демократическаго идеала. Онъ выросъ на якобинской почвѣ; онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ вѣру въ государственное начало. Онъ еще вѣритъ въ представительное правленіе. Но гораздо раньше чѣмъ онъ сколько нибудь приблизился къ своему осуществленію, уже успѣлъ развиться новый идеалъ — анархическій, который въ представительное правленіе не вѣритъ, государству не довѣряетъ и стремится пробудить самодѣятельность отдѣльныхъ единицъ, и ихъ свободное объединеніе путемъ взаимныхъ соглашеній.

И какой бы строй ни осуществился въ ближайшемъ будущемъ, онъ непремѣнно будетъ нести на себѣ отпечатокъ нашихъ анархическихъ воззрѣній. Число анархистовъ ростетъ постоянно, постоянно нарождаются (совсѣмъ внѣ нашей партіи) мыслители, какъ Гюйо, которые проводятъ тѣ же начала въ философію жизни, и постоянно наша партія находитъ новыя умственныя силы, разрабатывающія отдѣльныя стороны нашихъ ученій. Поэтому, въ западной Европѣ, уже въ настоящую минуту анархическое ученіе кладетъ свой отпечатокъ на современное мышленіе, — точно также какъ государственный соціализмъ шестидесятыхъ годовъ клалъ свой отпечатокъ на европейскую мысль, даже тогда когда число сознательныхъ соціалистовъ было весьма ограниченно.

И теперь уже соціаль-демократія должна считаться и съ критикою, и съ энергіею послѣдователей анархизма, и нѣтъ никакого сомнѣнія что анархисты внесли свою долю въ перестройку общества, — тѣмъ болѣе что наше ученіе не есть плодъ какой нибудь отвлеченной посылки, не есть утопія выросшая изъ теоретическихъ соображеній, а представляетъ собою обобщеніе тѣхъ самыхъ теченій мысли и дѣятельности, которыя мы уже подмѣчаемъ въ современной жизни. Насколько велика будетъ доля, внесенная нашею партіею въ развитіе европейской революціи — покажетъ время. Одно несомнѣнно : эта доля будетъ прямо зависѣть отъ числа анархистовъ, отъ глубины ихъ мысли, отъ ихъ энергіи.

Такимъ образомъ, чтобы быть анархистомъ и дѣйствовать какъ анархистъ, нѣтъ надобности ждать сто и двѣсти лѣтъ. Не только въ любомъ дѣлѣ можно теперь-же сойтись и организовать на началахъ равенства или на началахъ пирамидальной іерархіи ; не только во всей дѣятельности отдѣльной личности, можно быть или анархистомъ, или начальникомъ ; но и въ несравненно болѣе важномъ вопросѣ о цѣляхъ, стремленіяхъ, способахъ революціоннаго дѣйствія и о немедленныхъ задачахъ дѣятельности, можно уже руководиться либо анархическимъ, либо государственнымъ началомъ.

Человѣкъ, вѣрующій въ чудодѣйственную силу закона, суда, полиціи, тюремъ и жандармовъ — пускай хоть и соціалистическихъ — и человѣкъ не вѣрующій ни въ законъ, ни въ его представителей, и ищущій опоры для союза между людьми въ правильномъ пониманіи ихъ собственныхъ выгодъ, въ ихъ „мірскихъ“ привычкахъ и обычаяхъ, и стремящійся къ устраненію препятствій, мѣшающихъ проявленію этихъ общественныхъ привычекъ — эти два человѣка неизбѣжно смотрятъ совсѣмъ розно на всякій фактъ общественной жизни, на всякій фактъ и ученіе политической экономіи, исторіи и соціологіи вообще, и потому дѣйствуютъ совершенно различно въ каждую данную минуту.

Кто изъ нихъ вѣрнѣе понимаетъ задачи современной жизни и стремленій человѣческихъ обществъ вообще,—это

вырѣшитъ самъ для себя каждый общественный дѣятель. И „Библіотека“, надѣюсь, поможетъ этому, выпуская рядъ изданій посвященныхъ разработкѣ теоріи и началъ Анархіи.

П. Кропоткинъ

Лондонъ
21 апрѣля 1892

—○—

Все вышесказанное нашимъ товарищемъ, П. А. Кропоткинымъ, достаточно опредѣляетъ характеръ и направленіе начатыхъ нами изданій, чтобы небыло надобности вдаваться въ дальнѣйшія разъясненія. Перечислимъ лишь намѣченные и готовящіеся къ изданію выпуски „Анархической Библіотеки“ :

Выпускъ 1-й. М. Бакунинъ. — „Парижская Коммуна и понятіе о Государственности“.

Выпускъ 2-й. П. Кропоткинъ. — „Распаденіе современнаго строя“ (Paroles d' un Révoltè). Вся книга выйдетъ въ четырехъ отдѣльныхъ частяхъ.

Выпускъ 3-й. Его же. — „Научныя основы Анархіи“.

Выпускъ 4-й. Э. Малатеста. — „Анархія“.

Выпускъ 5-й. К. Мерлино. — „К. Марксъ и его ученія“. (Критическій этюдъ).

Вышедшіе первый выпускъ и первую часть втораго можно получать изъ слѣдующихъ складовъ „Вольной Русской Прессы“ :

1) John Kelchevsky, 3, Iffley Road, Hammersmith, W. London.

2) E. Schulmeister, 28, Rue de la Glacière, Paris.

Главный складъ : Nouvelle Imprimerie Russe,
Chemin Dancet, 15. Genève, (Suisse).

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

и

ПОНЯТІЕ О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (*)

(Отрывокъ)

Переводъ съ французскаго.

Какъ все, что я писалъ до сихъ поръ, а написалъ я вообще немного, эта рукопись диктована мнѣ самими событіями. Она составляетъ естественное продолженіе моихъ „Писемъ къ одному французу“ (Сент. 1870), въ которыхъ на мою долю выпала печальная честь предугодать и предсказать всѣ тѣ ужасныя бѣдствія, которыя поражаютъ въ данный моментъ Францію, а съ нею вмѣстѣ и весь цивилизованный міръ : въ то время, когда я писалъ, существовало одно лишь средство противъ всѣхъ этихъ бѣдъ ; и теперь существуетъ только это же средство: соціальная революція.

Установить эту неопровержимую истину, анализируя исторію развитія человѣческаго общества и событій, нынѣ совершающихся на нашихъ глазахъ въ Европѣ, такъ чтобы всѣ честные люди могли ее понять; откровенно, безъ утайки и двусмысленностей, изложить философскіе принципы и цѣль того, что мы называемъ соціальной революціей — вотъ предметъ моей настоящей статьи.

(*) Перепечатано изъ «Общины». № № 5 и 6-7, 1878.

Задача, которую я на себя возложилъ, не легка, я это знаю, и меня возможно бы было обвинить въ слишкомъ большой самоувѣренности, если бы въ этотъ свой трудъ я внесъ хотя ничтожную дозу личной претензіозности. Но пусть читатель успокоится, онъ ничего подобнаго не найдетъ въ моей статьѣ. Я не ученый, не философъ, я даже не писатель по ремеслу. Писалъ я немного во всю свою жизнь и брался за перо, всегда по неволѣ, въ такомъ лишь случаѣ, когда какая либо страстно продуманная мысль заставляла меня побѣждать инстинктивное отвращеніе къ выставкѣ передъ публикой своего имени.

Кто я такой? Что заставляетъ меня въ этотъ разъ пе чатать эту рукопись?

Я страстный искатель истины и заклятый врагъ зловред ныхъ фикцій, тѣхъ фикцій, которыми партія порядка эта оффиціальная, эта привиллегированная и лично заинтересованная представительница всѣхъ мерзостей религіозныхъ, метафизическихъ, политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ, прошедшаго и настоящаго, пользуется еще и нынѣ для того, чтобы держать человѣчество въ рабствѣ и невѣжествѣ.

Я страстный поклонникъ свободы, потому что только лишь при посредствѣ свободы считаю возможнымъ полное развитіе мысли, человѣческаго достоинства и счастья среди людей; но та свобода, которой я поклоняюсь, отнюдь не похожа на нашу свободу — ограниченную, формальную, строго отмѣренную, регламентированную государствомъ; послѣдняя свобода есть ничто иное, какъ вѣчная, наглая ложь, и въ дѣйствительности представляетъ собою только привиллегію меньшинства, основанную на всеобщемъ рабствѣ. Моя свобода не похожа на эту индивидуалистичную, эгоистичную, свободу, всегда фиктивную, всегда двуличную, которую проповѣдуютъ школа Жанъ-Жака Руссо и другія ей подобныя школы буржуазнаго либерализма. Эти школы признаютъ такъ называемое право всѣхъ, представляемое государствомъ, границею для права каждаго; а это признаніе по необходимости въ концѣ концовъ сводитъ право каждаго на степень нуля. Нѣтъ, одна лишь та свобода можетъ по праву носить это великое имя,

которая обезпечиваетъ полное развитіе всѣхъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, находящихся въ скрытомъ состояніи въ организмѣ каждаго индивидуума; та свобода, для которой нѣтъ иныхъ границъ, кромѣ положенныхъ ей законами самого нашего организма; иными словами, свобода отнюдь не имѣющая границъ, такъ какъ естественныя границы не навязаны намъ законодателемъ, имѣющимъ свой престолъ тамъ гдѣ-то вверху или рядомъ съ нами, на землѣ, а, напротивъ, присущи намъ, составляютъ часть насъ самихъ, служатъ базисомъ нашего существованія, какъ физическаго, такъ точно и умственнаго и нравственнаго; такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы служить намъ границами, онѣ являются для насъ какъ бы естественными условіями, какъ бы дѣйствительной логикой нашей свободы.

Подъ свободой каждаго я понимаю такую свободу, которая отнюдь не имѣетъ предѣломъ своимъ свободу другаго, а напротивъ, въ послѣдней находитъ лишь свое подтвержденіе, свое продолженіе до безконечности; свобода каждаго не ограничена свободою всѣхъ; это — свобода черезъ всеобщую солидарность, свобода при всеобщемъ равенствѣ, свобода, торжествующая надъ грубой силой, надъ принципомъ власти (послѣдняя никогда не была инымъ чѣмъ, какъ идеальнымъ олицетвореніемъ грубой силы); подъ свободой я понимаю лишь такую свободу, которая, опрокинувъ всѣ небесные и земные идолы, установитъ наконецъ и организуетъ новое общество — солидаризованнаго человѣчества, и организуетъ его на развалинахъ всевозможныхъ церквей и всевозможныхъ государствъ.

Я одинъ изъ убѣжденныхъ приверженцевъ полнаго экономическаго и соціальнаго равенства; я убѣжденъ, что внѣ такого равенства свобода, справедливость, человѣческое достоинство, нравственность и благосостояніе, какъ отдѣльно взятыхъ индивидовъ въ обществѣ, такъ и цѣлыхъ націй—останутся навсегда чистою ложью. Но, будучи приверженцемъ свободы, какъ необходимѣйшаго условія для развитія человѣчества, я думаю, что равенство среди людей создастся лишь при посредствѣ коллективной собственности и свободной организа-

ці и производительныхъ обществъ, федерированныхъ въ общины, а не по высочайшей попечительской волѣ государства.

Вотъ въ чемъ именно и заключается философское различіе между соціалистами, или революціонерами-коллективистами, и авторитарными коммунистами, приверженцами абсолютной иниціативы государства. Цѣль, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ одна и та же; какъ тѣ, такъ и другіе одинаково желаютъ созданія новаго общественнаго порядка, основаннаго лишь на коллективномъ владѣніи орудіями труда и на коллективной организаціи работы, необходимомъ условіи существованія для каждаго и для всѣхъ при полномъ экономическомъ равенствѣ. Но авторитарные коммунисты предполагаютъ достигнуть такого порядка вещей черезъ посредство организаціи и развитія политическаго могущества рабочихъ классовъ, и главнымъ образомъ пролетаріата городовъ, при непосредственой помощи со стороны буржуазнаго радикализма, а соціалисты революціонеры враги всякаго двусмысленнаго союза и предполагаютъ, напротивъ, что достигнуть желанной цѣли возможно лишь при развитіи и организаціи соціальнаго, анти-политическаго могущества рабочихъ массъ, городскихъ и деревенскихъ, включая въ эту массу рабочаго человѣчества и тѣхъ честныхъ людей, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ нынѣшняго общества, которые пожелаютъ принять цѣликомъ программу соціальной революціи.

Отсюда вытекаетъ два метода, совершенно различные другъ отъ друга. Коммунисты стремятся организовать силы рабочихъ съ цѣлью захвата въ государствѣ политическаго могущества прежде всего. — Соціалисты-революціонеры, напротивъ, организуютъ эти силы, имѣя въ виду разрушеніе, или, выражаясь вѣжливѣе — ликвидацію государственнаго строя. Коммунисты — приверженцы, какъ въ теоріи, такъ и на дѣлѣ, принципа власти; соціалисты-революціонеры полагаютъ свою вѣру лишь на одну свободу. Какъ тѣ такъ и другіе одинаково ратуютъ за „знаніе“, которое одно способно убить суевѣріе и замѣнить собою „религію“; но первые въ данномъ случаѣ полагаютъ достигнуть этого насильственно, а послѣдніе стараются

добиться того же путемъ пропаганды, желая чтобы группы людей организовались и добровольно федерировались снизу вверхъ, по собственной иниціативѣ, руководствуясь своими непосредственными интересами и отдѣлавшись отъ лжи на самомъ дѣлѣ, самостоятельно, а отнюдь не по плану, заранѣе обдуманному и предписанному сверху невѣжественной черни нѣсколькими высшими умами. Исторія уже доказала разницу этихъ двухъ воззрѣній. Съ одной стороны стоитъ научный коммунизмъ, разработанный нѣмецкой школой и отчасти принятый соціалистами Америки и Англіи; съ другой стороны — анархія Прудона, широко развитая и разработанная до своихъ конечныхъ послѣдствій.

Соціалисты-революціонеры полагаютъ, что въ инстинктивныхъ стремленіяхъ и реальныхъ нуждахъ рабочихъ массъ гораздо больше здраваго смысла, чѣмъ во всей глубокой учености патентованныхъ попечителей человѣчества, которые, послѣ столькихъ неудачнѣйшихъ предпріятій осчастливить людей, желаютъ попытаться въ свою очередь создать это желанное счастье. Соціалисты-революціонеры полагаютъ, что человѣчество и такъ ужь слишкомъ долго позволяло управлять собою, и что источникъ всѣхъ бѣдствій человѣчества лежитъ вовсе не въ той или другой формѣ правительства, но въ самомъ принципѣ, въ самомъ фактѣ управительства, въ какой бы формѣ оно не проявляло себя.

Революціонный соціализмъ, воспринятый латинскими народами въ Европѣ (*), проявилъ себя впервые въ блестящей и практической попыткѣ, которая носитъ великое имя Парижской Коммуны.

Все величіе этого историческаго факта заключается именно въ томъ, что отрицаніе государства впервые фактически проявилось въ той самой Франціи, которая до сихъ поръ была страной исключительно политической централизаціи, и именно въ томъ самомъ Парижѣ, который въ

(*) Онъ признанъ и навсегда останется анти-политическимъ инстинктомъ славянскихъ народовъ.

исторіи съигралъ роль создателя великаго единства всей Франціи, — и который теперь принялъ на себя же инициативу діаметрально противоположной работы. Въ этомъ Парижѣ, развѣнчивающемъ себя, и требующемъ добровольно своего низложенія, для того, чтобы дать, наконецъ, свободу, чтобы возвратить къ жизни всю Францію, всю Европу, весь міръ, который до сихъ поръ онъ поглощаетъ въ себѣ самомъ! Въ томъ самомъ Парижѣ, который снова обращалъ вниманіе міра на великое могущество своей инициативы и указывалъ народамъ-рабамъ (а гдѣ же тотъ народъ, который не въ рабствѣ нынѣ), — на единственный путь къ освобожденію, къ спасенію!... Парижъ, подымающій мечъ надъ головою буржуазнаго радикализма, чтобы нанести ему смертельный ударъ; Парижъ — колыбель революціоннаго соціализма, на которую падаютъ проклятія всей этой банды реакціонеровъ Франціи и Европы; Парижъ, который хоронитъ себя подъ своими развалинами и этимъ отвѣчаетъ торжествующей реакціи, своею гибелью спасающій будущность и славу Франціи. Онъ указываетъ бѣдному человѣчеству, что жизнь, интеллектуальныя способности и нравственность, изсякши среди высшихъ классовъ общественной организаціи, не погибли для человѣчества, такъ какъ онѣ проявляютъ себя со всею полнотою и энергіею среди массы пролетаріата и тѣмъ служатъ залогомъ его будущности; онъ провозглашаетъ начало новой эры, эры окончательнаго и полнаго освобожденія рабочихъ массъ, эры реальной солидарности рабочихъ всего міра внѣ всякихъ границъ государствъ; онъ окончательно порываетъ съ патріотизмомъ и основываетъ на своихъ развалинахъ религію человѣчества; Парижъ, провозглашаетъ гуманность и противупоставляетъ религіознымъ фикціямъ великую дѣйствительность соціальной жизни; онъ замѣщаетъ вѣру — наукой, ложь и нелѣпости религіозной, политической и юридической нравственности — принципами свободы, справедливости, равенства и братства, этихъ вѣчныхъ основъ человѣческой нравственности! Героическій Парижъ, раціональный Парижъ своею славной гибелью, своею смертью доказалъ ту глубокую вѣру въ великія судьбы человѣчества, которую имѣлъ всегда; онъ

завѣщалъ эту живую вѣру настоящему и будущему поколѣніямъ!

Парижъ затопленный кровью своихъ великодушныхъ дѣтей — есть само человѣчество, распятое на крестѣ интернаціональнымъ союзомъ европейской реакціи подъ непосредственнымъ вдохновеніемъ всѣхъ христіанскихъ церквей, включая сюда и первосвященника лжи и нелѣпости — папу. Но настанетъ день будущей международной революціи; въ этотъ день воскреснетъ великій Парижъ!

Таковъ дѣйствительный смыслъ, таковы благодѣтельныя послѣдствія двухмѣсячнаго существованія и навсегда памятной гибели того историческаго явленія, которое носитъ названіе Парижской Коммуны.

Парижская Коммуна просуществовала слишкомъ недолго, ея внутреннее мирное развитіе было задержано и парализовано тою борьбою на жизнь и смерть, которую она должна была вести противъ версальской реакціи, и вотъ почему она не могла, не скажу примѣнить на практикѣ, но даже записать на страницахъ исторіи свою соціальную программу. Слѣдуетъ помнить что большинство членовъ правительства Парижской Коммуны, въ точномъ смыслѣ этого слова, не были соціалистами, и если на дѣлѣ они выказали себя таковыми, то лишь потому, что были невольно увлечены всеобщимъ теченіемъ, средою, фатальностью своего положенія, а отнюдь не сокровенными своими убѣжденіями. Соціалисты, во главѣ которыхъ естественнымъ образомъ стоитъ нашъ другъ Варленъ, составляли въ Коммунѣ ничтожнѣйшее меньшинство; ихъ было не болѣе четырнадцати, пятнадцати членовъ. Остальное большинство состояло изъ якобинцевъ. Но слѣдуетъ помнить, что якобинцы якобинцамъ рознь. Существуютъ якобинцы адвокаты и доктринеры въ родѣ г. Гамбетты, которыхъ положительный, напыщенный, деспотически-формальный республиканизмъ, отрекшись отъ античной революціонной вѣры, съумѣлъ сохранить отъ старой теоріи якобинцевъ одинъ лишь культъ единства и авторитета власти; тотъ республиканизмъ, который, дезорганизовавъ народную Францію, предалъ ее сначала въ руки Пруссіи, а потомъ въ руки туземной реакціи; и существуютъ якобинцы-

революціонеры, герои и послѣдніе представители демократической вѣры 1793 года, способные скорѣе пожертвовать и своимъ возлюбленнымъ „единствомъ“, и „властью“, если того потребуетъ революція, чѣмъ склонить свою голову передъ надменной реакціей. Эти послѣдніе великодушные якобинцы, во главѣ которыхъ мы должны упомянуть имя Делеклюза, человѣка съ великой душой и сильнымъ характеромъ, желаютъ торжества революціи прежде всего, а такъ какъ внѣ народныхъ массъ не мыслима и сама революція, а рабочія массы въ настоящее време обладаютъ соціалистическимъ инстинктомъ и не способны болѣе сдѣлать другую какую либо революцію кромѣ соціальной, экономической революціи, то и честные якобинцы, увлекаемые все болѣе и болѣе самою логикой революціоннаго движенія, кончаютъ тѣмъ, что по неволѣ становятся соціалистами.

Таково именно было положеніе якобинцевъ въ Парижской Коммунѣ. Делеклюзъ и многіе другіе съ нимъ вмѣстѣ подписывали программы и прокламаціи, общій тонъ и направленіе которыхъ имѣли вполнѣ соціалистическій характеръ. Но такъ какъ не смотря на ихъ искренность и добрую волю, они все-таки были болѣе соціалистами по внѣшности, нежели по внутреннему убѣжденію, такъ какъ они не имѣли ни времени, ни способности побѣдить и уничтожить въ себѣ массу буржуазныхъ предразсудковъ, находящихся въ прямомъ противорѣчіи съ ихъ недавно воспринятымъ соціализмомъ — то понятно, что, обезсиленные этой внутренней борьбой, они никогда не смогли рѣшиться выступить за черту банальности, или принять тѣ рѣшительныя мѣры, которыя навсегда разорвали бы ихъ связь съ буржуазнымъ міромъ.

Это было великимъ несчастьемъ для Коммуны и для нихъ самихъ; это парализовало ихъ, а они парализовали Коммуну. Но упрекать этихъ якобинцевъ за это, какъ за ошибку съ ихъ стороны — нельзя. Люди не преображаются, не перерождаются въ одинъ день, не м.няютъ своихъ привычекъ когда угодно. Эти якобинцы съумѣли умереть за Коммуну! Кто же осмѣлится потребовать отъ нихъ большаго?!

И тѣмъ болѣе извинительно ихъ вредное вліяніе на Парижскую Коммуну, что самъ народъ парижскій, подъ непосредственнымъ давленіемъ котораго они и мыслили, и дѣйствовали, былъ соціалистомъ болѣе по инстинкту, нежели вслѣдствіи продуманнаго убѣжденія. Всѣ его стремленія въ высшей степени и исключительно соціалистичны, но мысль парижскаго народа, или, лучше сказать, конкретныя традиціонныя его представленія, еще далеко, далеко не достигли сознательной ясности. Въ мышленіи пролетаріевъ большихъ городовъ Франціи и даже среди народа парижскаго еще есть множество старыхъ якобинскихъ предразсудковъ, множество диктаторіальныхъ поползновеній и поклоненій власти. Культъ правительства — роковой продуктъ религіознаго воспитанія, этого историческаго источника всѣхъ бѣдствій, всякаго разврата и всякаго рабства — не вырванъ еще съ корнемъ изъ внутренняго міра французскаго народа. Даже самыя развитыя единицы изъ народа, соц алисты, до сихъ поръ не вполнѣ отдѣлались отъ него. Поройтесь въ совѣсти французкаго соціалиста, и вы непремѣнно найдете въ немъ якобинца, правительственника, правда, очень скромнаго, укрывшагося отъ вашихъ взоровъ въ самый темный уголокъ, какъ-бы пристыженнаго..., но всетаки онъ тамъ сидитъ еще, онъ живъ еще!

Но, кромѣ всего вышесказаннаго, положеніе небольшаго числа сознательныхъ соціалистовъ Парижской Коммуны было чрезвычайно затруднительно. Не чувствуя себя достаточно поддерживаемыми массой парижскаго народа, такъ какъ объ международномъ товариществѣ рабочихъ мы не станемъ говорить, потому что организація этого общества въ данный моментъ едва считала въ своихъ рядахъ нѣсколько лишь тысячъ человѣкъ, они должны были вести борьбу изо дня въ день съ якобинскимъ меньшинствомъ.

И при какихъ обстоятельствахъ!

Они обязаны были дать работу и хлѣба нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ рабочихъ, организовать ихъ, вооружить и въ то же время зорко слѣдить за интригами реакціонеровъ въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Парижъ, который

былъ въ осадѣ, которому угрожалъ голодъ, который былъ преданъ на жертву всѣмъ подлымъ происканъ Пруссіи въ Версалѣ. Имъ приходилось противупоставить революціонную армію и революціонное правительство — арміи и правительству Версаля; имъ приходилось забыть, принести въ жертву самыя условія соціальной революціи, и ради борьбы противъ монархической и клерикальной реакціи — организовать реакцію якобинскую.

Не естественно ли, что при подобныхъ гибельныхъ обстоятельствахъ якобинцы, сильные съ одной стороны своимъ большинствомъ въ правительствѣ, съ другой стороны, обладая въ значительной степени инстинктомъ въ политикѣ, традиціей и практикой правительственной дѣятельности, съумѣли пріобрѣсти громадное преимущество передъ соціалистами ?! Чему лишь слѣдуетъ удивляться, такъ это тому, что они не воспользовались этимъ преимуществомъ, что они не преобразили возстанія парижскаго народа въ якобинскую революцію, а напротивъ, позволили возставшей массѣ рабочихъ увлечь себя въ соціальную революцію !

Я знаю, что многіе соціалисты, очень послѣдовательные въ своей теоріи, упрекаютъ нашихъ парижскихъ друзей въ томъ что они показали себя не достаточно соціалистами въ своей революціонной практикѣ, и это въ то время, когда циники буржуазной прессы обвиняютъ ихъ, напротивъ, въ томъ именно, что они слишкомъ точно слѣдовали программѣ соціалистовъ. Я оставляю въ сторонѣ низкія клеветы буржуазной прессы и замѣчу лишь строгимъ теоретикамъ освобожденія пролетаріата, что они глубоко несправедливы къ своимъ парижскимъ братьямъ, такъ какъ между самыми вѣрными теоріями и практическимъ примѣненіемъ ихъ — громадное разстояніе, которое въ нѣсколько дней не перейдешь! Кто зналъ Варлена, напримѣръ, чтобы не упоминать другихъ, тотъ знаетъ хорошо, насколько убѣжденія этого человѣка и его друзей были глубоко продуманы и страстно, ясно восприняты. То были люди, которыхъ пламенная ревность, преданность и вѣра въ великое дѣло, которому они служили, не подлежали никакому сомнѣнію. Но именно потому, что они

были преданы цѣликомъ, они сомнѣвались въ самихъ себѣ. Передъ величіемъ того дѣла, которому они посвятили свою думу и свою жизнь, они считали себя ничтожными! Они руководились весьма справедливымъ убѣжденіемъ, что въ соціальной революціи, діаметрально противоположной въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, политической революціи, дѣятельность индивидовъ почти ничтожна, а напротивъ, свободная активность массъ составляетъ все: отдѣльные индивидуумы могутъ лишь привести въ ясность, разработать, пропагандировать ту думу, которая соотвѣтствуетъ народному инстинкту; они многое могутъ сдѣлать, путемъ неустанныхъ усилій, чтобы организовать естественное, революціонное могущество народныхъ массъ. Но внѣ этой работы — они ничего болѣе не могутъ осуществить, такъ какъ все остальное не должно и не можетъ быть сдѣлано никѣмъ инымъ, какъ самимъ народомъ. Иначе придется прибѣгнуть роковымъ образомъ къ политической диктатурѣ, т. е. къ возстановленію государства, привиллегій, неравенства, къ реставраціи государственнаго гнета — и, слѣдовательно, прійдти окольнымъ, но неизбѣжнымъ путемъ къ возстановленію политическаго, соціальнаго, экономическаго рабства рабочихъ массъ.

Варленъ и его друзья, какъ всѣ искренніе соціалисты, какъ вообще всѣ люди, рожденные и воспитанные среди рабочаго міра, раздѣляли въ высшей степени это глубокое, вполнѣ законное подозрѣніе противъ постояннаго права на иниціативу однихъ и тѣхъ же личностей, противъ постояннаго могущества, которымъ порою пользуются одни и тѣ же даровитые индивиды. Это подозрѣніе они прилагали, какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ, что, конечно, было въ высшей степени справедливо.

Будучи противниками того убѣжденія коммунистовъ-государственниковъ (по моему совершенно невѣрнаго), что соціальная революція можетъ быть выполнена декретомъ, можетъ быть организована диктаторомъ или какимъ либо собраніемъ выборныхъ, вышедшихъ изъ нѣдръ политической революціи, наши друзья, соціалисты Парижской Коммуны, думали, напротивъ, что соціальная революція не можетъ быть сдѣлана, не можетъ достигнуть

полнаго развитія своего иначе, какъ при посредствѣ продолжительной и стихійной дѣятельности рабочихъ массъ, группъ и организованныхъ обществъ самого народа.

И наши парижскіе друзья были тысячу разъ правы; въ самомъ дѣлѣ, гдѣ тотъ могучій умъ, или, если дѣло идетъ о диктатурѣ коллективной, будь она составлена хотя бы изъ нѣсколькихъ сотенъ крайне даровитыхъ людей, гдѣ тѣ могучіе умы, которые способны обнять безконечно-многообразную разнообразность реальныхъ интересовъ, стремленій, требованій, нуждъ, вся сумма которыхъ составляетъ коллективную жизнь цѣлаго народа? гдѣ умы, способные создать такую организацію общества, которая удовлетворитъ всѣхъ и каждаго? Подобная измышленная организація для несчастнаго человѣческаго общества будетъ ничѣмъ инымъ, какъ прокустовымъ ложемъ на которое гнетъ и насиліе замаскированнаго государства заставятъ его возлечь.

До сихъ поръ это такъ и случалось, и соціальная революція прежде всего обязана уничтожить этотъ античный способъ насильственной организаціи общества и дать полную свободу всевозможнымъ группамъ, общинамъ и самой личности человѣка, раздавивъ разъ на всегда историческую причину всякаго насилія — государство, — съ нимъ вмѣстѣ ниспровергнуть всѣ возмутительныя мерзости юридическаго права и ложь божественныхъ культовъ, такъ какъ это право и эти культы всегда были ничѣмъ инымъ, какъ обязательнымъ освященіемъ всякаго гнета и насилія, гарантируемаго, покровительствуемаго и представляемаго государствомъ.

Церковь и Государство, эти двѣ историческія абстракціи, вѣчно грозящія и все пожирающія, представляютъ собою безпощадную, систематическую и легальную эксплуатацію общества въ пользу нѣсколькихъ тысячъ людей, которые угнетаютъ и грабятъ народныя массы, причемъ вокругъ этой кучки олигарховъ группируется другой гораздо многочисленнѣйшій классъ отупѣвшихъ трусовъ, которые и играютъ постыдную и преступную роль палачей,

Уничтоженіе Церкви и Государства должно быть первымъ и непремѣннымъ условіемъ дѣйствительнаго освобожденія общества; послѣ чего только оно можетъ и должно принять новое устройство, но вовсе не сверху внизъ и не по идеальному плану, составленному нѣсколькими умниками и учеными, а также и не въ силу декретовъ, изданныхъ диктаторской властью, или даже народнымъ собраніемъ, которое будетъ выбрано всеобщею подачею голосовъ. Такой способъ, какъ я уже говорилъ, приведетъ неизбѣжно къ созданію новаго государства, а слѣдовательно и къ образованію правительственной аристократіи, т. е. цѣлаго класса людей, которые не будутъ имѣть ничего общаго съ народной массою и станутъ, конечно, эксплуатировать и порабощать ее снова подъ предлогомъ общаго блага или государственнаго спасенія.

Будущая соціальная организація должна быть основана единственно снизу вверхъ, путемъ свободной ассоціаціи и федераціи рабочихъ, сперва въ товариществахъ, затѣмъ въ общинахъ, въ областяхъ, въ націяхъ и, наконецъ, въ одномъ великомъ, международномъ и всемірномъ союзѣ. Тогда только и осуществится реальный и животворный порядокъ свободы и всеобщей пользы, тотъ порядокъ, который не отрицаетъ, а напротивъ того утверждаетъ и соглашаетъ всѣ интересы личные и общественные.

Говорятъ, что единство и всемірная солидарность интересовъ частныхъ и общихъ не можетъ никогда осуществиться на дѣлѣ, потому что эти интересы, по своей противоположности, не въ состояніи, сами по себѣ уравновѣситься или придти въ соглашеніе. На такое возраженіе я отвѣчу, что если до сихъ поръ нигдѣ и никогда интересы не были во взаимномъ согласіи, то это происходило всегда по винѣ Государства, которое приносило интересы большинства въ жертву привиллегированному меньшинству. Вотъ почему эта пресловутая несовмѣстимость и борьба личныхъ интересовъ съ общественными — ничто иное, какъ выдумка и политическая ложь, порожденная ложью богословскою, которая придумала ученіе о первородномъ грѣхѣ, чтобы обезчестить человѣка и уничтожить въ немъ сознаніе собственнаго достоинства. Эта

же самая ложная идея о несовмѣстности интересовъ порождена была и бреднями метафизики, которая, какъ извѣстно, близкая родня богословіи. Не признавая общительной природы человѣка, метафизика смотрѣла на общество, какъ на механическій и чисто-искуственный агрегатъ личностей, которыя соединились внезапно, въ силу какого-то формальнаго или тайнаго сговора, по собственной волѣ или подъ вліяніемъ какой-то высшей силы. Прежде чѣмъ соединиться въ общество, эти личности, одаренныя какою-то безсмертною душой, наслаждались полною свободою.

Но если метафизики утверждаютъ, что люди, особенно вѣрующіе въ безсмертіе души, были существа свободныя внѣ общества, то мы неизбѣжно приходимъ къ тому заключенію, что люди могутъ соединяться въ общество только подъ условіемъ отреченія отъ своей свободы, природной независимости и пожертвованія своими интересами, сначала личными, а затѣмъ мѣстными. Такое самоотреченіе и пожертвованіе должно быть, поэтому, тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ многочисленнѣе само общество и сложнѣе его устройство. Въ такомъ случаѣ Государство выражаетъ собою результатъ всѣхъ личныхъ самозакланій. Существуя въ такой отвлеченной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, насильственной формѣ, оно продолжаетъ, разумѣется, все болѣе и болѣе стѣснять личную свободу во имя той лжи, которую называютъ „общественною пользою“, хотя она, очевидно, представляетъ только исключительный интересъ господствующаго класса. Такимъ образомъ Государство является неизбѣжнымъ отрицаніемъ и уничтоженіемъ всякой свободы и всякаго интереса, какъ личнаго, такъ и общественнаго.

Отсюда видно, что въ системахъ метафизическихъ и богословскихъ все связно и все объясняется само собою. Вотъ почему послѣдовательные защитники этихъ системъ могутъ и должны даже, со спокойной совѣстью, продолжать эксплуатацію народныхъ массъ посредствомъ Церкви и Государства. Набивая свои карманы и удовлетворяя всѣмъ грязнымъ своимъ похотямъ, въ то же время они могутъ всегда утѣшать себя мыслію, что трудятся во славу божію, для торжества цивилизаціи и вѣчнаго спасенія пролетаріата.

Но мы, невѣрующіе ни въ бога, ни въ безсмертіе души, ни въ личную свободу воли, мы утверждаемъ, что свобода должна пониматься въ полномъ и широкомъ ея значеніи, какъ цѣль историческаго развитія человѣчества. По странному, хотя и логическому контрасту, наши противники, идеалисты богословія и метафизики, принимаютъ свободу за исходный принципъ и основу своихъ теорій, только затѣмъ, чтобы придти къ заключенію о необходимости рабства людей. Мы же, матеріалисты въ теоріи, стремимся на практикѣ создать и упрочить раціональный и высокій идеализмъ. Наши враги, божественные и трансцендентальные идеалисты, доходятъ до практическаго матеріализма, кровожаднаго и грязнаго, въ силу той же самой логики, по которой всякое развитіе есть отрицаніе исходнаго принципа. Мы убѣждены, что все богатство умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія человѣка, а также и кажущаяся его самодѣятельность — все это продуктъ общественной жизни. Внѣ общества человѣкъ не сдѣлался бы не только свободнымъ, но даже не обратился бы никогда въ настоящаго человѣка, т. е. въ существо, которое сознаетъ себя, чувствуетъ, мыслитъ и говоритъ. Только содѣйствіе разума и коллективный трудъ общества могли заставить человѣка отказаться отъ того звѣрскаго и животнаго состоянія, которое составляетъ его начальную природу или исходный пунктъ его послѣдующаго развитія. Мы глубоко убѣждены въ той истинѣ, что все въ жизни людей — интересы ихъ, стремленія, нужды, бредни и даже глупости, а также насилія, неправды и всѣ поступки, которые повидимому кажутся произвольными, представляютъ собою только послѣдствія роковыхъ силъ общественной жизни. Люди не могутъ допускать идеи взаимной независимости точно такъ же, какъ и отрицать взаимодѣйствія и соотношенія явленій внѣшней природы.

И въ самой природѣ это чудное соотношеніе и послѣдовательность явленій не достигаются, конечно, безъ борьбы. Напротивъ того, вся гармонія природныхъ силъ является неизбѣжно только результатомъ той постоянной борьбы, которая и составляетъ условіе движенія и жизни. Какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ, порядокъ безъ борьбы—это смерть.

Если въ мірѣ естественномъ и возможенъ порядокъ, то единственно потому, что этотъ міръ не управляется по какой нибудь заранѣе придуманной системѣ, которую налагаетъ высшая воля. Богословское предположеніе о верховномъ законодательствѣ доходитъ до явной нелѣпости и до отрицанія, не только всякаго порядка, но и самой природы. Законы естественные дѣйствительны только въ силу того, что они присущи природѣ, т. е. не опредѣлены никакою властью. Эти законы — просто заявленія или постоянные способы развитія столкновеній и комбинацій тѣхъ разнообразныхъ, переходящихъ, но дѣйствительныхъ фактовъ, которые въ цѣломъ и составляютъ то, что мы называемъ „природою“. Разумъ человѣка и наука его наблюдали эти факты, провѣряли ихъ опытомъ, потомъ соединяли въ систему и называли законами. Но сама природа не знаетъ вовсе законовъ. Она дѣйствуетъ безсознательно, представляя собою безконечное разнообразіе явленій, которыя возникаютъ и повторяются роковымъ образомъ. Вотъ почему, въ силу этой неизбѣжности дѣйствія, можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ міровой порядокъ.

Такой же порядокъ проявляется и въ человѣческомъ обществѣ, которое, повидимому, развивается будто наперекоръ природѣ, но въ сущности подчиняется естественному и неизбѣжному ходу вещей. Только превосходство человѣка надъ другими животными и способность мыслить внесли въ его развитіе особенный элементъ, впрочемъ совершенно естественный въ томъ смыслѣ, что онъ, какъ и все существующее, представляетъ матеріальный продуктъ соединенія и дѣйствія силъ. Этотъ особый элементъ есть размышленіе или та способность обобщенія и отвлеченія, благодаря которой человѣкъ можетъ мысленно отчуждаться, разсматривая и наблюдая себя, какъ посторонній и внѣшній предметъ. Возвышаясь въ мысли, какъ надъ самимъ собой, такъ и надъ окружающимъ міромъ, онъ доходитъ до представленія абсолютной отвлеченности, до абсолютной пустоты. И этотъ абсолютъ — ничто иное, какъ сама способность отвлеченія, которая попираетъ все существующее и, дойдя до полнѣшаго отрицанія, успоко-

ивается на немъ. Это уже крайній предѣлъ высшаго отвлеченія мысли, абсолютное ничто; это — Богъ.

Вотъ смыслъ и историческое основаніе всѣхъ богословскихъ ученій. Не понимая природы и матеріальныхъ причинъ собственныхъ мыслей, не давая себѣ даже отчета въ тѣхъ естественныхъ условіяхъ или законахъ, которые имъ свойственны, они, эти первые люди и общества, не могли, конечно, подозрѣвать, что ихъ абсолютныя представленія были только продуктомъ способности составлять отвлеченныя идеи. Вотъ почему они стали признавать эти идеи существующими въ природѣ, какъ дѣйствительныя вещи, въ сравненіи съ которыми сама природа обращалась въ ничто. Затѣмъ они начали уже боготворить свои призраки, свои невозможные абсолюты и отдавать имъ всѣ почести. Но отвлеченную идею о пустотѣ или о богѣ надо было чѣмъ нибудь наполнить или какъ нибудь изобразить. Съ этою цѣлью они раздули понятіе о божествѣ и наградили его, сверхъ мѣры, всѣми тѣми качествами и силами, добрыми и злыми, какія только встрѣчали въ природѣ или въ обществѣ.

Такимъ образомъ возникли и развились въ исторіи всѣ религіи, начиная съ фетишизма и кончая христіанствомъ.

Намъ вовсе нѣтъ охоты вдаваться въ исторію религіозныхъ, богословскихъ и метафизическихъ бредней, а тѣмъ болѣе говорить о послѣдовательномъ развитіи всѣхъ божественныхъ воплощеній и призраковъ, созданныхъ вѣками изувѣрства. Всѣмъ извѣстно, что суевѣріе порождало всегда страшныя несчастія и заставляло проливать рѣки крови и слезъ. Скажемъ только одно, что всѣ эти возмутительныя заблужденія бѣднаго человѣчества были историческими фактами, которые являлись неизбѣжно, въ силу естественнаго роста или развитія самаго общества. Подобныя заблужденія внесли въ общество ту роковую идею, овладѣвшую воображеніемъ людей, будто міръ управляется сверхестественною силою или волею. Шли вѣка за вѣками, и общества свыкались съ этою идеею до такой степени, что окончательно убивали въ себѣ всякую охоту и способность къ дальнѣйшему развитію.

Честолюбіе отдѣльныхъ личностей, а потомъ и цѣлыхъ

классовъ общества, которые возвели въ законъ жизни рабство и завоеваніе, болѣе всего укоренило эту страшную идею божества. Съ тѣхъ поръ общество стало немыслимо безъ двухъ учрежденій, которыя признаютъ до сихъ поръ его основами, т. е. Церкви и Государства. Эти два общественные бича защищаются всѣми доктринерами.

Лишь только появились въ мірѣ эти учрежденія, тотчасъ же организовались двѣ касты — жрецовъ и аристократовъ, которые, конечно, позаботились немедленно внушить порабощенному народу всю необходимость, пользу и святость такихъ учрежденій. Все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы преобразить дикое рабство въ легальное, предусмотренное и освященное волею всевышняго существа.

Но сами жрецы и аристократы — развѣ они вѣрили искренно въ тѣ учрежденія, которыя поддерживали всѣми силами въ личныхъ интересахъ? Развѣ они не были просто лжецами и обманщиками? — Нѣтъ, я думаю, что они были и вѣрующими, и шарлатанами въ одно и то же время. Они вѣрили сами, потому что естественно и неизбѣжно раздѣляли съ толпою ея заблужденія, и только съ теченіемъ времени, въ эпоху упадка древняго міра, стали скептиками и наглыми обманщиками. Есть еще другое оправданіе, по которому приходится считать первыхъ основателей государствъ людьми искренними. Человѣкъ всегда охотно вѣритъ тому, что ему желательно и что не противорѣчитъ его интересамъ. Уменъ ли онъ и образованъ, все равно: по самолюбію своему и по желанію жить въ мирѣ съ ближними и пользоваться ихъ уваженіемъ, онъ охотно будетъ вѣровать въ то, что ему пріятно и полезно. Я увѣренъ, напр., что Тьеръ и Версальское правительство всячески стараются убѣдить себя, что, убивъ въ Парижѣ нѣсколько тысячъ мущинъ, женщинъ и дѣтей, они спасли Францію.

Но если жрецы и попы, аристократы и буржуа древнихъ и новыхъ вѣковъ могли вѣрить искренно, тѣмъ не менѣе они оставались обманщиками. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, что они вѣрили всякой чепухѣ, которая заключается въ вѣрѣ и политикѣ. Я не говорю уже отой

эпохѣ, когда, по словамъ Цицерона, „два жреца не могли безъ смѣха взглянуть другъ на друга“. Даже потомъ, когда настали времена всеобщаго невѣжества и суевѣрія, трудно было предположить, чтобы изобрѣтатели всевозможныхъ и ежедневныхъ чудесъ вѣрили бы въ нихъ. Тоже самое можно сказать и о политикѣ, которая заключается въ слѣдующемъ правилѣ: „надо порабощать и грабить народъ такъ, чтобы онъ не очень громко жаловался на свою судьбу, не забывалъ бы повиноваться и не могъ бы никогда помышлять о сопротивленіи или бунтѣ“.

Какъ же, послѣ этого, вообразить, что люди, которые обратили свою политику въ ремесло и знаютъ ея цѣль, то есть неправду, насиліе, ложь, измѣну, убійство гуртомъ и въ одиночку, — могутъ искренно вѣрить въ политическое искуство и государственную мудрость и называть ее общественнымъ благомъ! До такой глупости они дойти не могутъ, не смотря на все свое звѣрство.

Церковь и Государство были во всѣ вѣка высшими школами разврата. Вся исторія свидѣтельствуетъ объ ихъ преступленіяхъ; вездѣ и всегда попъ и государственный человѣкъ были сознательными и систематическими, безпощадными и кровожадными врагами и палачами народовъ.

Но какъ же согласить, однако, вещи повидимому совершенно несовмѣстимыя: обманщики и обманутые, лжецы и вѣрующіе? По логикѣ это кажется трудно; на дѣлѣ, однако, т. е. въ жизни практической, эти качества встрѣчаются очень часто. Огромное большинство людей живетъ въ постоянномъ противорѣчіи и разладѣ съ самимъ собою и вовсе не замѣчаетъ этого, пока какое-нибудь чрезвычайное событіе не выведетъ его изъ обычной спячки и не заставитъ оглянуться на себя и вокругъ себя.

Въ политикѣ, какъ и въ религіи, люди остаются машинами въ рукахъ эксплуататоровъ. Но грабители и ограбленные, притѣснители и притѣсненные живутъ другъ подлѣ друга такъ, что ими заправляетъ только ничтожная кучка людей, которыхъ слѣдуетъ считать настоящими эксплуататорами. Вотъ эти самые люди, свободные отъ всякихъ политическихъ и религіозныхъ предразсудковъ, угнетаютъ и давятъ народы совершенно сознательно. Какъ

въ XVII и въ XVIII вѣкахъ, до взрыва великой революціи, такъ и теперь, они властвуютъ въ Европѣ и дѣлаютъ почти все, что хотятъ. Надо надѣяться, что царство ихъ не продлится долго.

Въ то время, какъ главные вожаки обманываютъ и губятъ народы вполнѣ сознательно, слуги ихъ или холопы Церкви и Государства усердно хлопочутъ о поддержаніи святости и неприкосновенности этихъ гнусныхъ учрежденій. Если Церковь, по словамъ поповъ и большинства государственныхъ людей, необходима для спасенія душъ, то и Государство, въ свою очередь, также нужно для сохраненія мира, порядка и правосудія. А доктринеры всѣхъ школъ заключаютъ: „Безъ Церкви и Государства нѣтъ ни цивилизаціи, ни прогресса“.

Намъ не приходится обсуждать вопроса о вѣчномъ спасеніи, потому что мы не вѣримъ въ безсмертіе душъ. Мы убѣждены только въ томъ, что для человѣчества, для истины и прогресса вреднѣе всего — Церковь. И можетъ ли быть иначе? Не Церковь ли заботится постоянно о томъ, чтобы развращать молодое поколѣніе, особенно женщинъ! Не она ли своими догматами, своею ложью, глупою и гнусною, стремится убить логическое мышленіе и науку! Не она ли посягаетъ на достоинство человѣка, извращая въ немъ сознаніе права и правды? Не она ли мертвитъ все живое, губитъ свободу и проповѣдуетъ вѣчное рабство массъ въ угоду тиранамъ и эксплуататорамъ! Развѣ не она, эта безпощадная Церковь, стремится увѣковѣчить царство тьмы, невѣжества, нищеты и злодѣйства!

Итакъ, если прогрессъ нашего вѣка не ложенъ, онъ доженъ покончить съ Церковью.

Государственная публичная историческая библиотека России